

В течение уже многих лет и десятилетий в редакцию нашего журнала приходят рукописи воспоминаний советских солдат и офицеров, фронтовиков, участников Великой Отечественной войны. Записки эти присылают сами фронтовики или их родственники и знакомые. Многие эти воспоминания, наполненные живой правдой войны, увидели свет на наших страницах. В очередной раз с радостью предоставляем слово тем простым героям Великой Войны, чьи живые рассказы доносят до нас Правду Борьбы и Победы.

ПРАВДА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Из воспоминаний участников Великой Отечественной войны

ШТУРМ САПУН-ГОРЫ

Иван Иванович Патук – единственный живущий ныне участник штурма Сапун-горы – живёт в Севастополе, на земле, освободить которую ему довелось 70 лет назад. В 22 года форсировал он Керченский пролив, командуя отрядом разведчиков, освобождал Крым, брал Кёнигсберг...

Сидя на просторной веранде, обдуваемой морским бризом, мы вспоминаем о войне, глядя на Карантинную бухту с боевыми кораблями и Владимирский собор Херсонеса – именно здесь была поставлена финальная точка освобождения Крыма.

Наталья Афанасьевна Батраева – автор литературной записи

Рассказывает Иван Иванович ПАТУК:

Ещё в детстве я захотел стать военным из-за одного случая... Наша деревня стояла недалеко от трассы Чернигов–Киев, и вот как-то в марте (мне тогда лет шесть минуло) стояли сильные морозы, и на дороге в сугробе застряла машина. Мы, дети, подбежали, увидели крепкого мужчину – военного, который попросил позвать местное начальство. Кто-то указал на меня, мой отец был секретарём поселкового совета. Оказалось, что проезжающий был командующим Киевским военным округом. Отец всё организовал: лошадьми вытащил машину, его с женой забрали ночевать в нашу хату. Весь вечер командующий меня с рук не спускал, даже предложил отцу взять к себе, мол: “Человеком сделаю!” Но отец, конечно, не позволил.

Повзрослев, я начал усиленно заниматься спортом, получил значок “Ворошиловский стрелок” – предмет мечтаний всех мальчишек. После школы поступал в авиационное училище, но, не пройдя из-за маленького роста, решил ехать в только что созданное Харьковское пехотное училище – по специальному набору в него принимали без экзаменов, смотрели лишь на физическую подготовку и родословную.

Обучение длилось два года. Программа была такой насыщенной, что позднее в реальных боях страха я не чувствовал. С нами постоянно был начальник училища, полковник Шерстов, даже на физзарядку приезжал: встанет в голову колонну, как мы, в трусах и майке, и делает то же, что все. Совершали марш-броски по 100 километров в сутки: 50 километров туда и столько же обратно, с оружием и обмундированием. Постоянно тренировались в полевой обстановке, ставили мины, рыли окопы. До автоматизма отработывали штыковой бой – вслепую должны были попасть в сердце противника. Тот, кто тренировал, стоял у мишени с палкой и наблюдал, куда смотришь: на мишень или на него. Потом это очень пригодилось: в рукопашной глядел в упор на фашиста, нередко он не выдерживал взгляда и отводил глаза...

За два месяца до выпуска командиры провели учения в масштабе батальона. Всё происходило, как в настоящем бою: сначала пошли танки, причём, на каждого, по очереди. Надо было упасть в траншею с винтовкой или пулемётом, а танк проходил над тобой, да ещё и утюжил. Некоторые не выдерживали и кричали: “Мамочки, спасите меня!” Потом “кукурузники” полетели, сбрасывая метрах в ста от нас маленькие гранаты. Отбомбили – началась атака. Сейчас подобной подготовки и близко нет!

Что война будет, мы знали заранее. Перед самым выпуском всех направили на стажировку в войска – тогда уже разворачивали запасные дивизии, брали призывников запаса со всего СССР. С нами оказался чистокровный поляк с Западной Украины, однажды он приходит и говорит: “Что хорохоришься?! Скоро война будет!” – и назвал май-месяц.

15 мая 1941 года состоялся выпуск – мне не исполнилось и 19-ти. Присвоив звание лейтенантов, нас этапом отправили в 223-ю стрелковую дивизию под Харьков. Началась война – погрузили в эшелоны и перебросили на Юго-Западный фронт за 80 километров от Винницы. Мы заняли траншеи и приготовились к обороне – эти окопы нас и спасли, всё-таки сидели не в чистом поле...

20 июля 1941 года состоялся мой первый бой. Солдат вооружили винтовками. Но винтовка себя не оправдала: многие расходовали сразу все 10 патронов, а пока перезарядишь – тебе и голову снесут.

Через двое суток немцы определили наши позиции, и бой пошёл по-настоящему с мощной артподготовкой, а у офицеров – только револьверы. Только когда убило первого солдата, я взял его винтовку и стал активным бойцом. С револьвером что сделаешь? Пятьдесят метров его убойная сила, а у винтовки – три километра. Фашисты думали смять нас слёту, но не получилось. Мы упорно сопротивлялись, но они, обнаружив наши открытые фланги, вышли в тыл и взяли в кольцо. Пока выбирался из окружения, меня сильно контузило: не мог ни двигаться, ни говорить, как труп лежал.

После возвращения из госпиталя получил звание старшего лейтенанта и назначение командиром роты в Донбасс – в Донецкую дивизию (до этого командовал взводом). Мы обороняли город Сталино (современный Донецк). Сталин держал его на особом контроле: 383-ю дивизию приказал комплектовать только шахтёрами. Нас хорошо оснастили, усилили артиллерией. Расчёт главнокомандующего оправдался. Кто, кроме шахтёров, ежедневно прощается с семьёй, опускаясь в шахту? Они легче переносят боевые действия. Некоторые солдаты годились мне в отцы и звали “сынулей”, но отличались исключительной исполнительностью. Если бы не шахтёры, мы недолго бы продержались.

Сейчас вновь на этой земле льётся кровь, идёт война, на этот раз война гражданская. Я стараюсь анализировать события, вспоминаю, как воевал, что чувствовал 70 лет назад. Для меня это пройденный этап, а для кого-то, может быть такого же молодого, как я тогда, – настоящий!

В ноябре 1941-го мы отошли за реку Миус, где продержались в обороне до июня 1942 года. В это время уже выдавали по одному автомату на отделение (10–12 человек) и один ручной пулемёт. Когда серийное производство автоматов наладили, воевать стало легче, но всё равно в первую очередь вооружали разведчиков и роты автоматчиков, до обычного солдата дело дошло не скоро.

Оставив Донецкую область, вышли в расположение Северо-Кавказского военного округа под Туапсе, где меня (после лёгкого ранения) переподчинили 18-й армии и назначили командиром батальона.

“Голубая линия” – это стратегическое направление, на котором немецкая армия превосходила нашу раза в четыре. Они страшно рвались на Кавказ! Самолёты делали до двух тысяч вылетов в сутки на дивизию. Под Туапсе меня

опять ранило, теперь уже тяжело. Лечился я в Грузии. Поправился — назначили помощником начальника штаба полка по разведке.

Так в 1943 году я стал разведчиком. А разведка — это не то, что в кино сейчас показывают: под проволочкой проскочили туда-сюда, хватанули “языка” и назад. Нет! Это серьёзная операция, требующая большой подготовки.

Когда идут бои оборонительные — это один способ ведения разведки; при наступлении — другой: тогда захват пленного не представляет сложности. Если брать “языка” из окопа, необходимо готовиться основательно.

Мы в блиндажах не сидели: круглые сутки на передовой, в траншеях. Изучали огневую систему противника; где штабы, наблюдательные и командные пункты. Распознав настоящие и ложные огневые точки, наносили на карту. После сопоставляли с авиационной разведкой, и картина полностью раскрывалась. Пленный — это как воздух. Меньше пятнадцати человек я в разведку не брал, не как показывают в кино: 3–4 человека — чепуха полнейшая! С окопа взять пленного таким количеством невозможно. Это действия групповые. В разных операциях участвовало 15–20 человек. У каждого — свои чётко установленные обязанности.

Группа сапёров делала проход в минных полях и проволочных заграждениях. Нужно проволочку разрезать так, чтобы немцы не услышали, и снять противопехотные мины, а где ровная местность — противотанковые.

Отдельно — группа захвата, два-четыре человека. Их действия должны быть молниеносными, хватка — мёртвой.

Группа прикрытия занимала определённую позицию и, если противник собирался преследовать, вступала в бой.

Команды давались не человеческим языком — птичьим: как ворона кричит или сова. Мы специально тренировались, заучивая наизусть, под каждым звуком скрывалась определённая команда. Всё проходило тихо, гладко. Если что-то не получалось — бросали и начинали сначала. Делали нередко два-три захода. Дошли до проволочного заграждения, начали резать — нас обнаружили (мы не знали, что между рядами висят консервные банки). Что делать? Положить всю группу? Сразу назад! Где ползком, а где бегом.

При проведении операции обеспечение у нас было мощнейшее. На нашем пути, по флангам, пулемёты и пехота приводились в готовность номер один. В состав разведчиков входили корректировщики. За нашими действиями постоянно наблюдали: если вступаем в бой — включается артиллерия и подавляет немецкие пулемёты на передовой.

Отправляясь на задание, мы выкладывали документы (при переходе к оброне сдавали их на хранение начальнику штаба в сейф), у нас оставался только медальон. Всегда брали две фляги: с водой и спиртом. Спирт необходим как анестезия. В трофейных немецких флягах колпачки ровно 70 грамм; если тяжело ранен, спирт выпил, водичкой запил и ждёшь. Даже в полубессознательном состоянии спирт увеличивает пульсацию крови. Перед боем не пили ни в коем случае, а во время подготовки операции — хоть обливайся; спиртным не ограничивали, но не злоупотребляли, на деле выходила большая экономия.

За батальоном двигался обоз, где везли наши вещи — на себе, конечно, невозможно всё унести. Лошадь у меня всегда была, тоже в обозе шла, использовал её только на заданиях, а на переходах маршировал со своими солдатами, в общем строю. При дивизии состояли походные кухни, пекарня, прачечная — мы форму, бельё не стирали, всё выдавалось. Офицерам платили хорошую зарплату: фронтовые и гвардейские перечисляли на книжку. Моя семья находилась в эвакуации, и я всё отправлял им. Солдаты тоже деньги получали, поменьше, конечно.

Это что касается нашего обеспечения, военная же действительность приучила переносить лишения и не бояться смерти. Никогда не надо внушать себе, что идёшь на риск и можешь погибнуть. Главное — не думать, что последний вдох делаешь. Улыбайся, держи себя так, чтобы подчинённые твоего страха не почувствовали.

Наша дивизия несла мизерные потери, но когда приходило пополнение, из маршевой роты я двоих забирал в разведку. Чутьём человека определял. Беседую, а сам в глаза смотрю: отведёт взгляд или нет. Спрашивал, где родился, учился, кто родители, рассказывал о нашей службе. Заключительный этап — страхи: что ждёт в самом худшем случае — здесь, в один миг раскрылся человек.

Есть у разведчиков и свои законы, например, мы никогда не бросали раненых. Один раз при захвате пленного группа прикрытия ещё не вышла из проволочного заграждения на минных полях, как начался артобстрел. Группа, что пленного тащила (три человека “языка” сопровождали и отвечали за него головой), осталась, а мы вернулись, подобрали раненых. Тяжелораненого самый здоровый из нас взвалил на плечи и потащил, как ребёнка.

Ещё один неписанный закон: убитым всегда делать гроб. Это мы сами придумали, клятву давали между собой: хоронить по-человечески, со всеми почестями. На это время прекращали всякие действия. Из окрестных домов брали двери, доски – сколачивали гроб. Почести – три выстрела! Когда убеждён, что не пойдёшь в общую могилу и тебя не оставят беспомощного, совсем с другим настроением воюешь!

* * *

На войне много всего неожиданного происходит... Например, когда Краснодар освобождали в составе 56-й армии, вышли разведгруппой к мосту через Кубань, нам дед навстречу идёт и пристально так смотрит:

– Кто у вас тут самый старший? – спрашивает.

– Я старший! – отвечаю.

– Какой ты старший?!

А мне 22 года, усы ещё не росли.

– Сейчас командир полка подъедет вместе с командиром дивизии, – говорю.

– Здесь рядышком есть склад боеприпасов. Я его охраняю. Это для партизан готовилось, но раз уж вы первые пришли, открою!

Повёл нас к убежищу. В земле, на стороне противника, ход с Кубани сделан, настолько замаскированный, что никто и не подумает. Вот так, неожиданно, подсобил нам дед с боеприпасами.

После освобождения Краснодара вышли на Таманский полуостров, к косе Чушка, и месяца два готовились к форсированию Керченского пролива. Тогда единственный раз я не был уверен, что останусь в живых. Мы на катерах переправлялись, а их подбивают, я же, кроме дедовского дубового корыта в деревне, ничего не видел – у нас ни речек, ни озёр. Хорошо, два ординарца – братья, спортсмены по плаванию – гарантировали, что спасут в любом месте.

4 ноября 1943 года мы высадились на Керченский полуостров. Я командовал большим отрядом разведчиков. Стояла дождливая погода, нас одели в фуфайки и ватные брюки – вымокли все по шею. Полные мешки боеприпасов нагрузили (ни сухарей, ни консервов не брали) – знали, что тяжёлый бой предстоит. Сначала немцы побежали, а потом пришли в чувство и начали атаковать. Подкрепления никакого. Часов через десять ещё один полк высадился – тогда смогли расширить оборону. Бои шли жесточайшие: любой ценой надо было удержать плацдарм для наступления, ещё и холода начались, ветра, дожди... одежду на себе приходилось сушить – тело стало, как гармошка.

Как только зацепились за Керченский полуостров, я получил повышение – стал помощником начальника разведки дивизии.

Мы знали, что будем наступать на Крым и освобождать Севастополь. Эта операция готовилась ставкой Верховного командования. 3 апреля 1944 года в три часа ночи 51-я и 2-я гвардейские армии прорвали оборону с Перекопа, а наша, Отдельная Приморская, 11 апреля двинулась из Керчи. Наступали с трёх сторон (включая Черноморский флот), отрезая фашистам все пути к бегству.

Командир нашей дивизии сформировал передовой разведывательный отряд. Когда прорвали оборону у Керчи, командир сказал:

– Ну, Иван Иванович, давай со своим отрядом вперёд!

* * *

15 апреля мы вышли к главной немецкой оборонительной полосе, ключом к которой стала Сапун-гора.

Сапун-гора – это неприступная крепость, возвышающаяся на 350 метров над уровнем моря. Крутизна склона такая, что никакой танк не пройдёт. Все командные и наблюдательные пункты из бетона, над пулемётами “колпаки”

бетонные с двумя-тремя амбразурами. Шесть ярусов траншей, прикрытых минными полями, обнесёнными многочисленными рядами колючей проволоки...

Именно здесь предстояло дать решающий бой.

Мы заняли советские оборонительные траншеи, оставшиеся ещё с 41-го года, и за трое суток, пока дожидались подхода своих, взяли восемь пленных, частично раскрыли огневую систему противника, установили группировку немецких сил.

В это же время на других направлениях в окрестностях Севастополя шли жесточайшие непрекращающиеся бои на земле и в воздухе.

Когда дивизия сосредоточилась, думали сразу штурмовать, но разведка показала, что нужно повременить. Началась подготовка: ночью подтягивали боевую технику, боеприпасы, готовили огневые точки. Несмотря на круглосуточное наблюдение, добытых сведений не хватало. Разведка боем должна была их восполнить.

27 апреля в 7.30 утра узкий участок фронта накрыли шквальным огнём, став фашистов врасплох. Разведчики, стрелки, автоматчики, наступая, выбили их с безымянной высоты. В третьей траншее нам удалось захватить командира немецкого батальона – “языка”, знавшего всю обстановку до Сиваша.

Основной штурм назначили на 7 мая. Участвовали в нём все войска 4-го Украинского фронта.

Ночью мы заняли положение для наступления. Сапёры, подобравшись в темноте к заграждениям, резали проволоку и делали проходы в минных полях. Наша дивизия сосредоточилась на линии в 1200 метров, хотя по нормативам ей полагается 10 километров.

В 8 утра стоял непроницаемый туман, артподготовку решили отложить на час.

В 9 часов огромная мощь артиллерии и две воздушные армии обрушились на позиции немцев. Ни одного фашистского самолёта не подпускали – встречали на подлёте и сбивали. Не осталось клочка земли, не попавшего под обстрел. Над немцами висел густой чёрный дым, взрывалась земля, во все стороны летели камни, бревна разбитых блиндажей и дзотов.

В 10.30 прозвучал сигнал начала штурма. Нас встретил шквальный огонь. Крутизна у горы страшная: где поднимешься, там и сползёшь, старались хоть немного зацепиться. Везде сплошные проволочные заграждения, укрепления в четыре ряда. Справа – сыпучий грунт, слева – обрывистая скала. Мы шли первыми, следом – пехота. Танки для поддержки пехоты использовать невозможно. Среди нас были и те, кто оборонял город в 1941–1942 годах и потерял здесь близких. И в первых рядах – бойцы Константина Яковлева, покинувшего Севастополь одним из последних, – в городе остались его родители, жена и тогда ещё не родившийся сын.

Я вооружился двумя автоматами: нашим ППШ и немецким. В немецкий чуть песочек попадёт, он сразу выходит из строя; думал, выброшу, как расстреляю; а наш хоть в воду, хоть в грязь – всё нипочём. Каждый имел по три-четыре диска, если выдавалось затишье – хватали вещмешок и набивали диски патронами. Про еду не думали, с собой – только фляги с водой и спиртом.

Особую роль в штурме сыграли огнемётчики, уничтожавшие отдельные огневые точки! Если бы не они, возились бы суток пять. Оружие прямой наводкой не применить – угол наклона такой, что невозможно попасть в амбразуру. Сапёры или разведчики подползали, обеспечивая прикрытие: обстреливали, не давая немцам высунуться; а в это время огнемётчик подбирался поближе и через амбразуру пускал огонь.

К полудню мы захватили первую позицию, в 14 часов немцы хотели её отбить и пошли в контратаку, но их отбросили. Нас ничего не могло остановить! Если заканчивались патроны и гранаты, в ход шли штыки. К 16 часам удалось выйти на высоту, где сейчас находится диорама. В 19.30 Сапун-гора была взята! До Севастополя оставалось 7 километров.

Местность изменилась до неузнаваемости, превратившись в месиво из земли, щебёнки, бетона, металла... Перед боем нам выдали ватные брюки и перчатки, мы их изорвали в клочья, у некоторых колени превратились в кровавую рану. Потери составляли 30–40 процентов личного состава; раненых не успевали оперировать, убитых – хоронить.

После взятия Сапун-горы разведчики сразу пошли вперёд – мы всегда контролировали, где какие резервы и огневые точки остались. При себе держали

кодированную карту, если что-то находили, по радиостанции сообщали координаты командиру дивизии. По пути захватили двух пленных и обратили внимание на противотанковый ров, где валялось какое-то тряпье и солома. Я думаю: дай-ка посмотрю! Подошёл, а там немцы лежат! Замаскированные плащ-палатками. Они хотели ударить лавиной во фланг, когда пойдут наши, перейти в атаку и всех перебить. Я доложил командиру дивизии: “Трогать боюсь, лучше вы сами оцените обстановку”. Утром следующего дня их накрыли “катюшами”.

8 мая весь день дрались, продвигаясь к Севастополю. К вечеру вышли на окраины.

9 мая начался штурм города. Очищая квартал за кварталом, двигались к Историческому бульвару, и к 18 часам на куполе панорамы развевался красный флаг!

Никогда не забуду, как встречали нас жители... В город уцелело всего несколько зданий, люди выходили из подвалов, укрытый со слезами на глазах и кидались навстречу, обнимали, целовали... Какой радостью светились их лица! Выносили воду, думая, что мы голодные, отдавали последнее, что у них осталось. Но мы и сами могли поделиться: в районе Бахчисарая захватили продовольственный склад, и я приказал раздать жителям всё, даже НЗ. Мы чувствовали себя необыкновенно счастливыми... радовались, плакали вместе...

Немцев оттеснили к Карантинной бухте и мысу Херсонес — дальше отступать было некуда. Мы, не задерживаясь, двинулись следом. 12 мая 1944 года 17-я немецкая армия была полностью разгромлена. Крым стал свободным! Позднее все полки нашей 32-й Таманской дивизии получили наименование “Севастопольских”!

После Крыма нас перебросили в Белоруссию, потом в Прибалтику. Я штурмовал Кёнигсберг, там и застала Победа. Меня сразу вызвали в Москву для участия в параде Победы на Красной площади.

ОДНОФАМИЛЕЦ МАРШАЛА

В городе Алексине Тульской области довелось мне знать замечательного человека, участника войны с громкой фамилией Рыбалко — однофамильца известного маршала бронетанковых войск. Он прошёл всю Великую Отечественную войну, а после служил в танковом батальоне Первой дивизии Закавказского военного округа. В 1947 году был направлен учиться в Сухумское военное училище на замполита. После успешного окончания училища лейтенант Рыбалко служил в одной из армейских частей Одесского военного округа. Далее продолжал службу в Челябинской области, где в то время ковался ядерный щит СССР. Там, на сверхсекретном военном предприятии “Челябинск-40” работал с группой учёных-ядерщиков руководитель Уранового проекта Игорь Васильевич Курчатова (1903–1960). Там Константин Акимович и прослужил ещё 12 лет, до полной выслуги. Бывший фронтовик нёс службу по охране секретного объекта. Впрочем, бывших фронтовиков не бывает! До пенсии работал Константин Акимович на производстве в городе Алексине. Там и получил свою последнюю награду — орден Трудового Красного Знамени. Умер Константин Рыбалко в 2007 году, прожив долгую и достойную жизнь.

Юрий Васильевич Холопов — автор литературной записи

Рассказывает Константин Акимович РЫБАЛКО:

Родился я 8 января 1923 года на Украине, в селе Высокое Бодзенского района Черниговской области. Село наше было большое — более 800 дворов. Там же, в Высоком, я закончил десятилетку, работал в колхозе, там же узнал о начале войны. Мне тогда было 18 лет, но в первый набор пошли в основном те, кто был постарше, кто прошёл службу в кадровой армии.

Второй набор начался уже с августа 1941 года, и призвали в армию из нашего села, включая меня, девять человек. Вскоре попали под призыв не

только мои ровесники, но и те, кто был моложе – ребята с 1924 и даже 1925 годов рождения. Это был уже второй месяц войны, немцы наступали, поэтому мобилизовали даже тех ребят, кому ещё не исполнилось 18 и 17 лет.

Собрали нас в военкомате районного центра несколько сот призывников, оттуда – на железную дорогу и повезли в вагонах сначала на Бахмач, потом на Конотоп, а потом на Ахтырку. На каждой остановке прибавлялось народу. Так добрались до Чугуева Ворошиловоградской области, где был военный лагерь. Там, в Чугуеве, нас выстроили, распределили по ротам и отделениям, наскоро помыли в бане и дали нам военное обмундирование и учебные винтовки. Там же мы прошли курс молодого бойца и приняли присягу.

В учебном центре к нам присматривались: отмечали, кто как стреляет, кто как развит физически. А потом выбрали из всех молодых бойцов около 1000 человек и сформировали из них несколько истребительных отрядов – по 125 человек в каждом.

Во второй истребительный отряд попал и я. Наш отряд имел 5 взводов (три стрелковых, один автоматный и один пулемётный – с ручными пулемётами Дегтярева). После формирования нас разместили в одном селе, где мы пробыли десять дней. Потом за нами пришли грузовые машины, мы сели в кузова и поехали в Петровский район. Выгрузились в хуторе Голубовка. Это была уже Харьковская область. Помню, что был уже конец 1941 года, там мы и узнали, что под Москвой немцев сначала остановили, а затем отогнали на запад. Настроение у всех тогда значительно улучшилось, все думали, что вот теперь погоним немца до самого Берлина. Но где находятся немцы, что они собираются дальше делать – никто не знал. А уже выпал снег, отметили мы новый 1942 год.

Командир разместил нас в селе по домам, недалеко от штаба Западного фронта. Постояли мы там неделю, другую, третью... и вдруг – тревога!

Нашего командира капитана Алёшина и комиссара срочно вызвали в штаб. Когда они вернулись, стало ясно: скоро отправят в бой. Стали нас готовить к передовой: выдали нам белые халаты, патроны с запасом, две гранаты (РГД и Ф-1), сухой паёк, каждому по большому перевязочному бинту и новые лыжи.

На дворе было холодно, да к тому же была метель. Полушубков и валенок у нас не было, поэтому нам дали на каждый взвод по две лишние шинели, чтобы разрезали их и пошили из них такие чехлы – бахилы. Надо было надеть их поверх ботинок с обмотками. Сзади каждого чехла-бахила проделали дырочки и пришили тесемочки, чтобы сзади завязывать.

В один из январских дней, после четырех часов дня мы выступили. Задача была такая: зайти на 40 километров в тыл к немцам (недалеко от станции Завалье). Это надо было сделать для того, чтобы, когда наши войска начнут свое наступление на райцентр станция Лозовая, ударить по немцам сзади.

Командование уже присмотрело место, где нам дать бой. Туда и отправился на ночь глядя (чтобы не засекала немецкая авиация) наш отряд лыжников. За ночь мы совершили марш-бросок в 40 километров. По пути встречались деревни, но мы их обходили, чтобы никто не знал, где мы находимся. Когда только начало рассветать, пришли в деревню Михайловка. Когда командир убедился, что там нет немцев, он расставил нас по домам. Потом бойцы поймали местного старосту и привели его к командиру. Капитан Алёшин приказал старосте сходить в соседнюю деревню, где были немцы, и за два-три часа узнать, сколько их там всего и где они расположились. При этом предупредил: не вернёшься – найдём и расстреляем. Староста побежал выполнять задание. Наша Михайловка была чуть повыше соседней деревни, так что хорошо просматривалась. Пока сидели тихо по домам, хозяйки, по приказу командира, приготовили нам кипятку попить.

Вернулся староста, когда уже рассвело, и доложил: в самом крайнем доме сидит один немец, а в других домах по-разному – где по два, а где по три немецких солдата квартировало. В одном доме, что находился в середине деревеньки, расположилось пять немецких офицеров. Всего их было взвод – 27 человек. Они, видимо, охраняли дорогу.

Наш командир скомандовал: “К бою! Вперёд!” Мы все рванули к этому хутору на лыжах и буквально за несколько минут скатились к нему. Мы с младшим сержантом первыми оказались у крайнего дома. К этому времени уже рассвело. Я первым заскочил во двор, быстро снял лыжи, взял винтовку

наизготовку — и к дверям. Тут навстречу выходит хозяйка: “Ах, Боже мой! Русские пришли!” Я только поздоровался с ней и сразу забежал в избу. А там немец сидит за столом посреди комнаты и перед ним тарелка горячего борща стоит — аж пар от неё идёт. Он, видимо, недавно вернулся с улицы, был одетым и в шапке.

Я сразу на немца винтовку наставил: “Хенде хох!”. Он глаза на меня выпучил и так медленно, медленно поднимается. Никак не поймёт, что происходит. Я ему показываю, чтобы он быстрее выходил из-за стола: “Шнель! Шнель!”. Стал он выходить, и я увидел, что сзади него, рядом с ухватами, у печки стоит его винтовка. Я сержанту говорю: “Разряди его винтовку!” Тот сразу взял её, вынул затвор — в карман, патроны тоже в карман. Саму винтовку немецкую за спину... Вывели этого немца на двор, стали обыскивать. А на нём три шинели оказались: снизу две наши, а сверху — своя, зелёная, немецкая. А на голове — меховая кроличья шапка. Видимо, с кого-то из местных жителей снял. Из одного кармана я достал у него фонарик и взял себе, а в другом у него лежал квадратный кусочек хлеба. Это я ему оставил. Забрали также его документы, и повели его в центр деревни. А там уже, слышу, кто-то стрелять начал, но потом всё стихло.

Офицеры немецкие, пять человек, занимали большой дом в центре деревни. Наши пошли его потихоньку захватывать со двора, со стороны коровника. Но так вышло, что наш комиссар, руководивший захватом этого дома, попал в полосу обзора. И, когда он стал показывать рукой бойцам, куда дальше двигаться, один немецкий офицер выстрелил из пистолета через окно и ранил его в кисть руки.

Тогда наши окружили этот дом, вызвали хозяйку и сказали: “Передай немцам, что если не будут сдаваться, то сбрасываем их гранатами!” Ей своего дома стало жалко, она заплакала, пошла к немцам, передала... Они поняли, что дела плохи, и вышли из дома с поднятыми руками.

Их обыскали, отняли у них оружие, документы. А после наш комиссар с перевязанной левой рукой построил их во дворе и спрашивает по-немецки всех по очереди: “Кто стрелял?” Они молчат. Тогда он на немецком языке им сказал, что если не скажут, то расстреляет их всех. И опять пошёл спрашивать по второму кругу. Тогда первый отвечает: “Иоанн!” Второй тоже: “Иоанн” Третьим стоял тот самый Иоанн, поэтому Малиновский спросил сразу четвёртого. Они потому своего выдали, потому что поняли: иначе им всем конец. Тогда комиссар командует Иоанну, чтобы тот сделал три шага вперед. Тот вышел, весь дрожит... Комиссар вынимает пистолет и — раз! — сразу наповал немецкого офицера. Потом этих офицеров мы посадили в один сарай с солдатами и приставили к ним охрану.

Оружие немецкое брать с собой не стали — тяжело нести. Все их винтовки и автоматы тут же побили об дорогу и покорежили. Этой же ночью мы ушли оттуда. С собой забрали только 26 немцев, которых взяли утром. Шли они в колонну по два между первым и вторым взводом. Мы-то шли на лыжах, а им пришлось, бедным, около сорока километров по снегу лезть. Многие из них падали от усталости, но потом поднимались, догоняли свой строй, боялись, что пристрелят.

Когда вернулись утром на свою базу, то сдали немцев, отчитались и пошли отдыхать. Нам дали 5 суток отдыха от штаба, а в качестве премии старшина привёл откуда-то корову. Мы её зарезали и собирались попить. Я рассчитывал тоже жаркого отвесть, но не довелось. На следующий день вызывает командование в штаб командиров истребительных отрядов и приказывает выполнить новое задание. Вернулся наш командир и выбрал несколько человек самых надёжных солдат, которые должны были произвести разведку в новой местности — в деревне, которая находилась от нас в восьми километрах. Появились сведения, что немцы стали двигаться именно в этом направлении. Среди тех, кого выбрал командир, оказался и я.

Дали нам вечером, когда уже солнце садилось, конные подводы, сели мы в сани и поехали на разведку. Надо было занять одну деревню и не пустить туда немцев. Деревня называлась Орилька, домов там было сотни две.

Добрались мы до этого места уже затемно и стали спрашивать местных жителей: “А немцев вы не видели?”. Они отвечают: “Вчера приезжали, как и вы, на трёх подводах! Человек двадцать... Они поросёнка с одного двора ухватили в мешок, ещё кого-то ограбили и смылись”. Мы на другой конец де-

ревни, где немцы похозяйничали. А местные отвечают: “У немцев такое настроение, чтобы занять нашу деревню. По-хозяйски вчера ходили по деревне, осматривали наши дома...”

Мы, разведчики, вернулись назад, доложили обстановку командиру. И снова пришлось мне идти со всеми, только перекусил второпях и немного поспал. На этот раз от каждого отряда отобрали 15 лучших бойцов и сделали сводный отряд лыжников, к которому добавили также стрелковую роту – 82 человека. Итого около 200 человек.

Приказали нам выступать не мешкая, пока немцы не заняли деревни и не укрепились. Дали нам сухой паёк, дополнительный боезапас... Мы, лыжники, в белых халатах двинулись туда первыми, а пехота пошла по дороге вслед за нами, попозже подошла. Пришли туда, в Орильку, уже вечером. Командир расставил нас всех по домам, выставил посты. В одну хату к хозяйке попало нас четверо: я, помкомвзвода старший сержант Аникин (он до войны работал учителем начальных классов), сержант Гордеев и ещё один боец, фамилию которого я забыл.

Каждый взвод должен был на улице ночью по полтора часа стоять в охране. Окопы мы выкопали в снегу недалеко от своих изб. Решили держать оборону вдоль всей деревни. Предполагали, что немцы подойдут со стороны соседней деревни, которая находилась на расстоянии в полтора километра от нашей. Ночь прошла спокойно. А на следующий день рано утром капитан Алёшин вызывает меня и говорит: “Ты парень грамотный, имеешь десятилетку, вот тебе бинокль, залезай на чердак и через слуховое окно веди наблюдение за соседней деревней и дорогой, которая к ней подходит... Вот тебе тетрадка и карандаш. Все свои наблюдения записывай на листочках, а записки передавай мне через вестового”. Связи другой у нас не было.

Уже рассвело. Я забрался на чердак и через слуховое окно стал наблюдать местность. Вдруг вижу, как среди поля, на дороге, ведущей к соседней деревне, что-то зачернело. Чуть попозже разглядел: это едут восемь здоровенных длинных саней, а на них сидят немцы с оружием. На каждых санях по 10 человек. Подъезжают до соседней деревни и выгружаются, начинают в дома заходить, куда-то бегают по приказу... Мне всё видно, я записываю и передаю записочки командиру через солдата, который у лестницы на чердак со мной дежурил. Потом вижу, что ещё подводы с немцами стали подъезжать, потом ещё... Всего насчитал 40 подвод с немцами – многовато... Все доложил командиру через записочки. А длилось всё это недолго, часа полтора. Подождал ещё, вижу – немцы больше не прибывают, обустроиваются в деревеньке. Потом по приказу командира сдал другому солдату свой пост, спустился с чердака, немного погрелся в хате и пошёл к своим в снеговой окопчик, что с вечера выкопали недалеко от дома. На этот раз мы вели себя осторожно, не высовывались.

Вдруг видим, как немцы собрались на окраине деревни, посмотрели в нашу сторону, по приказу офицеров стали разворачиваться в цепь, и пошли не спеша в нашу сторону. Сначала одна цепь идёт, солдат сто, за ней – через 7–8 метров, другая, за второй – третья, за третьей – четвёртая.

Наш командир скомандовал к бою, но никто не стрелял, ждали условного сигнала – ракеты. А немцы идут по целине, по снегу, такие уверенные, винтовки у них на плечах. Как осталось им до нас метров 300, их офицер скомандовал на руку. Они сразу винтовки взяли на изготовку и продолжают идти. Когда осталось до нас метров сто, командир выстрелил вверх из ракетницы. Наш отряд открыл огонь первым. Началась жуткая стрельба. Немцы нас не видят, а сами как на ладони. Сначала попятились, а после побежали вспять. Обратное, до своей деревни добежало человек двадцать – не больше. Всё поле было в зелёных шинелях. Немцы откатились, но сдаваться не собирались.

Недалеко от нас был комиссар. Он быстро написал что-то на бумажке и, подозвав меня, приказал отнести записку командиру. Я взял записку и метров пятьдесят полз по снегу, а он глубокий, ползти неудобно. Тогда я решил двигаться перебежками, вскочил на ноги, побежал, и вдруг что-то меня сильно ударило в ягодицу. Сразу с ног снесло. Это немецкий снайпер поймал меня в прицел. За спиной у меня была винтовка, так снайперская пуля пробила магазинную коробку и попала мне ниже пояса. Один боец увидел, что я упал, и бросился мне на помощь, помог добраться мне до ближайшего дома.

Затащил он меня в дом, а там сидит хозяйка с тремя детишками – мал мала меньше. В одном углу гора пшеницы, в другом – железная койка без постели. Посадил меня товарищ на эту койку, я за спинку кровати уцепился и сижу, терплю... Хотел товарищ меня перевязать, а бинтов-то нет, ни у него, ни у меня – куда-то подевались. Он сказал: “Подожди, я сейчас принесу бинт!” И побежал на улицу. Я тогда стал понемногу раздеваться, снял фуфайку с белым халатом, приспустил свои ватные штаны, чтобы осмотреть рану. Завел руку за спину и нащупал рану пальцами – большая! Когда пуля ударила в магазинную коробку, то, видимо, потеряла скорость и сильно разворотила ягодицу. Посмотрел спереди и увидел, что у паха пуля немецкая наполовину высунулась. Я тогда сгоряча схватил пальцами эту пулю, а она скользкая от крови, не даётся. Но со второго раза вырвал из тела и бросил её на пол. Кровь сразу ударила струей. Тут женщина заголосила, дети заплакали... Хорошо, что быстро вернулся товарищ с бинтами, перевязал меня. Примерно через час приехали сани с возницей. Положили меня на эти сани с одним бойцом, которому немецкий снайпер грудь прострелил, и повезли в медсанбат. Плохо мне было, но помню, что этот парень всю дорогу кровью харкал. Везли недолго – 8 километров. Привезли, занесли в дом, а там уже раненных человек двадцать пять. Меня положили на кухне на лавку, как раз под иконами. В мою будённовку соломы натолкали и положили её под голову вместо подушки, а шинелью накрыли. Никто после первого раза больше не перебинтовывал, обезболивающего укола не делал. Кровь потихоньку текла, от сильной боли всю ночь заснуть не мог.

Наутро подъехали машины и повезли нас в Петровку – районный центр. Как только привезли – сразу меня на операционный стол, обработали рану, уняли кровь, сделали обезболивающее. Был я в этой Петровке дней шесть, а после нас 9 человек тяжелораненых погрузили на машину (на солому в кузове) и повезли в районный центр Изюм. Оттуда погрузили в эшелон, в вагоны, в которых скот возят, и повезли. Ехать было очень холодно. Лежали мы на двухъярусных нарах, а сам вагон насквозь просвечивался и продувался. Доехали так до станции Россошь. Там нас выгрузили, помыли, переодели в чистое бельё. Там же, наверное, мы встретили 23 февраля, потому что к нам, раненым бойцам, подходили девушки и дарили разные подарки. Мне одна девушка подарила стаканчик мёда, расспросила, откуда я родом, где воевал.

Потом за нами подошёл другой эшелон, уже пассажирский, с тёплыми вагонами. Там было хорошо, медсёстры за нами приглядывали, кормили, мерили температуру, что-то записывали... Во время пути нас только один раз немецкий самолёт бомбил, но обошлось. Ехали суток 8–9 и, в конце концов, доехали до Астрахани.

Когда в Астрахани стали нас выгружать, то сначала на носилках раскладывали такие большие конверты из толстой ваты, а потом нас в эти конверты заворачивали, чтобы в дороге не замерзали. Погрузили нас в этих конвертах в автобусы и повезли по астраханским госпиталям.

Я тогда попал в центральный госпиталь, потому что мне пулей разбило тазовую кость – тяжёлое ранение. Подвезли нас к госпиталю, стали заносить в корпус, а одна медсестра подошла ко мне, безусловно, и говорит: “Смотрите, среди них и девушки есть!” А мне обидно стало, я и отвечаю: “Я – не девушка, я – парень, не видно, что ли?”

Лежать в этом госпитале было хорошо – тепло, чисто. Но вот беда: подцепил я чесотку в дороге. Видимо, когда нас в пути мыли. Стол для мытья раненых, наверно, не слишком хорошо дезинфицировали. Но врачи в Астрахани были хорошие, мою чесотку через несколько дней вылечили. А вот с ранением пришлось лежать долго. Уколы делали, рану чистили от осколков кости. Они долго с гноем выходили... Кормили там хорошо, ухаживали внимательно. Сначала я только лежал, потом на костылях передвигаться начал, а к концу лета на ноги встал.

Там, в Астрахани, такие здоровые арбузы вырастают. Иногда раненых перед выпиской (которые уже выздоровели) возили на колхозные бахчи, чтобы они помогали собирать урожай. Те привозили нам арбузы, угощали.

А потом немцы стали Астрахань бомбить. Наши врачи сказали: “Будем госпиталь эвакуировать! Готовьтесь к эвакуации”. Однажды ночью погрузили нас на машины, отвезли на железнодорожную станцию и оттуда поездом, в вагонах, повезли в Саратов. Дорогой один немецкий самолёт пытался нас

бомбить, но его зенитчики, которые дежурили на бронеплощадках, отогнали. Так что он сбросил бомбы далеко от эшелона.

Прибыли в Саратов, и меня вызвали на консилиум врачей. Они осмотрели мою рану, заставляли меня сгибать и разгибать ноги, прохаживаться перед ними. Пришли врачи к выводу, что у меня одна нога короче другой, поскольку одна до конца не разгибалась. И спал я с подогнутой ногой и ходил, не разгибая её до конца – так мне было удобнее и не больно. Тогда главный врач мне и говорит: “Или ты сам будешь ногу свою разрабатывать, или мы подвесим тебе груз”. Я ответил: “Сам буду разрабатывать!” Врач говорит: “Даю тебе две недели...” Вот и начал я свою ногу растягивать и массажировать, сильно старался. Через две недели врачи опять меня осмотрели и сказали: “Дело идёт! Давай дальше своей ногой занимайся!” Я дальше стал её разрабатывать, старался больше ходить, делал по утрам зарядку, а потом попросил врачей, чтобы меня как выздоравливающего отправили куда-нибудь на работу. Тогда меня и определили в команду выздоравливающих, которые заготавливали на берегу Волги дрова для госпиталя. Норма на каждого была небольшая – четыре кубометра в день. Кормили нас хорошо, и мы эту норму вскоре стали выполнять за полдня. Жили в палатках, а лес валяли не на самом берегу Волги, а на берегу её рукава, который был шириной не более 100 метров, и вдоль этого рукава – камыши.

Однажды вечером пошли прогуливаться по берегу и видим – в камышах лодка стоит, а в ней сеть. Мы сели в эту лодку, отогнали её поближе к нашему лагерю и поставили сеть. На следующее утро сняли сеть и набрали четыре ведра всякой рыбы. Сами себе уши наварили и в госпиталь отправили. Недели четыре так рыбачили, а после сеть промыли, положили её в лодку и вернули всё на прежнее место.

Часто приезжала к нам медсестра, осматривала нас в одной из палаток, что-то записывала в журнал. А у меня как раз выходили из раны последние осколки. Как только все вышли – всё зажило и перестало кровоточить. Через некоторое время забрала меня медсестра в госпиталь, но побыл я там не более двух недель. Ещё раз прошёл консилиум врачей, и главный врач мне говорит: “Будем выписывать тебя в выздоравливающий батальон”. Попал я туда и пробыл там две недели, а оттуда в Восьмой запасной полк, куда присылали всех выздоровевших бойцов из саратовских госпиталей.

В одно прекрасное время попал туда и я. Прибыл в этот полк с утра, меня распределили в одну роту, и как раз настало время завтрака. Пошли на кухню с котелками дежурные и принесли на 70 человек семь котелков вареной картошки – какая мятая, какая прелая, какая целая... Поделили мы эту еду кое-как на всех, покушали, сидим и думаем: “С такого питания долго не протянешь...” Давали нам ещё немного хлеба, но было ясно, что здесь, в запасном полку, никто улучшать нам пайку не собирается.

Проболтался я там неделю, а на восьмой день пошли с утра разговоры, что приехали “покупатели” и будут набирать в боевые подразделения. В обед построили нас на плацу (тогда уже на земле лежал снег), мы смотрим, идут “покупатели” – человек пять офицеров. Подошли к нашему строю и направились вдоль шеренги. Мы уже знали, что если остановится напротив тебя офицер, то ты должен стать по стойке смирно и громко назвать своё звание и фамилию. А “покупатель” смотрит не только на возраст и рост, но и на выправку, и на то, как ты представился. Если громко и бодро представился, то ему нравится, он командует тебе выйти из строя. Если промямлил, то он проходит мимо и обращается к другому. Я это дело заметил и когда капитан остановился напротив меня, я вытянулся и гаркнул: “Рядовой Рыбалко!” “Покупателю” это понравилось, и он приказал мне сделать три шага вперёд.

Так я попал в роту автоматчиков танкового корпуса. Набрал офицер нас около 120 человек, самых горластых, и повёз в свою часть. Только мы приехали – сразу нам обед. Каждому дали по котелку вкусной наваристой каши. Наворачиваем мы с хлопцами эту кашу, а сами переговариваемся: “Вот это да! Так служить можно!”

Начали мы изучать автомат ППШ. Изучали дней десять – штука несложная. На стрельбище несколько раз отстрелялись, а потом нас построили и командир роты объявил: “Завтра в бой пойдёте! Будете брать станцию Рычковскую”. И при этом добавил, что до нас её несколько раз пытались взять, но не сумели. “А вы – гвардейцы, – добавил командир. – Вы обязаны выбить немцев!”

Выдали нам новое обмундирование, валенки, новые автоматы ППШ с тремя дисками, патроны, по две гранаты и НЗ (сухари, консервы, колбасу). В два часа ночи нас подняли по тревоге – и марш-бросок на восемь километров. Наступали мы тогда в составе всего корпуса. Под утро были уже около станции. Остановились и получили приказ занять окопы-ячейки. Они уже были выкопаны теми, кто до нас штурмовал Рычковскую. Расположились по два человека в окопчике. Сiju я с одним бойцом в этой ячейке, ещё темно, я достал колбаску, он открыл ножом консервы – кушаем с сухариками. Думаю: “Надо НЗ всё-таки съесть, а то неизвестно, чем этот бой кончится”.

Впереди – немцы. А рядом – окопы-ячейки других бойцов. И вдруг из соседнего окопа, что был в двадцати метрах от нас, донеслась песня: “Ой ты, ночка тёмная...” Такой голос у бойца был сильный, красивый – все заслушалась. Рассвело. И тут наша артиллерия ударила по немцам из всех орудий. Стреляли не только пушки, но и минометы... Минут двадцать обрабатывали их позиции.

Только мы приготовились к штурму, как налетели немецкие самолёты и давай нас бомбить! Мы в окопе залегли, ждём конца бомбёжки. Наконец кончилась. Я выглянул из окопа и вижу: где был раньше окопчик нашего певца, там большая воронка. Подошёл, посмотрел – ничего от бойцов не осталось... Потом подъехала наша “катюша” и врезала по немцам. Потом мы пошли в атаку на эту станцию, но живых немцев там уже почти не было. Живые дали дёру, а мы – догонять их...

Потом так же брали станции Верхняя Черкасская, Нижняя Черкасская, Маныч, который стоял на Дону...

Дон пришлось нам переходить по льду. Он был ещё тонким, так мы натянули длинную веревку между берегами, держались за неё и осторожно перешли. Лёд трещал, но форсировать-то надо было всё равно. Потом брали Котельниково. Это было перед самым Новым годом. После этого боя нашему корпусу присвоили звание “Котельниковский”. Но за Котельниково бой был трудный. Немцы держались за свои позиции упорно. Не могла их наша артиллерия достать, глубоко окопался немец. Мы несколько раз их атаквали и отходили назад. Мало хлопцев там было ранено и убито. Но нам опять-таки помогла “катюша”. Немцы нас отбили, мы вернулись на свои позиции, приходим в себя после атаки, а тут незаметно для нас подъехала сзади “катюша” и как начала бить по немцам – только вой стоит и земля дрожит! После команда: “Вперёд!” Ворвались мы на немецкие позиции, а там живого места нет – всё перемолочено, убитые немцы лежат все чёрные, обгорелые, из ушей у них кровь идёт... Страшное оружие эта “катюша”! Остальные, кто остался живой, отступили. Но потом опять их авиация налетела, стала нас бомбить.

Когда вошли в Котельниково, то простояли там три дня. Много домов было сожжено и разбомблено, но всё-таки остались и целые дома. В них мы и расположились. В тесноте, да всё же не на холоде. После Котельниково пересчитало нас начальство и решило отправить корпус в тыл, на перифериирование. Отправили сначала нас в Белгородскую область, в город Нижний Оскол. Ехали мы туда на своих машинах и везли с собой много трофейного оружия. В Нижнем Осколе сдали свои трофеи и стояли в городе около недели. А фронт был недалеко. Каждый вечер налетали немецкие самолёты бомбить. Но мы открывали по ним сильный огонь – не только из зениток, но также из винтовок, из ручных пулемётов. Это так приказывало нам наше начальство. Поэтому немецкие лётчики бросали бомбы не очень точно.

Из Нижнего Оскола отправили нас в Тульскую область, в село Селиваново, что находилось недалеко от Щёкино. База наша располагалась рядом с этим селом в дубовом лесу. Там было нарыто много больших землянок, каждая на 40–45 человек, в землянках деревянные двухъярусные нары, в обоих концах землянки находились железные печки, которые постоянно топились. Стали мы там жить-служить, ходить в наряды, нести караульную службу...

Недалеко находился штаб – тоже землянка, но поменьше и получше наших, солдатских. Рядом со штабом находился пост №1 – стояло знамя нашего корпуса, которое постоянно охраняли часовые. И в один прекрасный день старшина нашей роты, распределяя бойцов в караул, назначил меня охранять знамя. И тут случилась со мною такая история. Стою я ночью на посту у знамени, несущий почётный караул, а морозец был крепкий. На мне овчинный полушубок, на ногах – валенки, а всё равно пробирает. Вдруг выходит из штаб-

ной землянки капитан, помощник начальника штаба и спрашивает: “Замёрз?” Я честно отвечаю: “Так точно! Замёрз!” Он говорит: “Зайди в штаб, погрейся минут пять. Я за тебя постою...” Взял у меня автомат и стал при знамени, а я отправился в штабную землянку. Там было тепло, сел я на стул и с мороза потянуло меня в сон, немного прикорнул. Очнулся, когда капитан влетел в землянку и на меня: “Ты что, одурел? Я тебя на пять минут подменил, а ты тут расселся!” Я спохватился, извинился, взял у него свой автомат и бегом к знамени. Он никому об этом не доложил. Обошлось. А так, за оставление почётного поста и за сон на посту, как пить дать – трибунал, а после – в штрафники.

После пополнения нашего корпуса бросили нас под Бахмач. А это уже мои родные места, от Бахмача до нашего села Высокое всего 25 километров, но в родном селе побывать тогда не пришлось. После взятия Бахмача – на Ахтырку, потом под Конотоп... Так с боями всё ближе и ближе к Киеву. В конце сентября вышли мы к Днепру, на левый берег, а на правом немцы закрепились. Серьёзная преграда: в том месте, куда мы вышли от одного берега Днепра до другого более километра.

Уже после войны я читал, да и от других бойцов ещё во время войны узнал, что через Днепр было организовано много различных переправ, было создано более двадцати плацдармов, чтобы обмануть немцев, и что погибло при форсировании Днепра очень много наших бойцов. Наверное, оно так и было. Но я расскажу о своей переправе.

Как только мы вышли на берег Днепра, так сразу стали окапываться. Только окопались, как подъехали “катуши”, машин, наверное, сорок. И стали бить по тому берегу. Сначала мы видели, как снаряды рвались на берегу, а потом огонь стал перемещаться в глубину немецкой обороны. Сильно и долго били “катуши”. Снарядов не жалели. Потом подъехали зенитчики, расставили вдоль берега свои зенитки, потом тягачи с понтонами – этикие железные баржи. Тягачи быстро разгружались и сталкивали понтоны в воду, а тут на воде уже работали катера, цепляли за крюки понтоны, ставили их в одну линию на воде, закрепляли на месте... Быстро работали, хорошо. Налетели было немецкие самолёты, но зенитки открыли по ним сильный огонь, так что они сбросили бомбы далеко от нашей переправы. Пошли по мосту пушки, машины с боеприпасами и пехотой, посадили нас, автоматчиков, на танки с полным боевым комплектом – и вперёд! Только переправились, отошли от берега не больше километра – и снова рыть окопы. Закрепляться. Потом послали вперёд разведку, узнали, где немцы – и снова артобстрел по ним, и снова занимаем новые позиции и снова роем окопы... Так и продвигались.

Дошли, помню, до реки Ирпень. Окопались, а вокруг болотистая местность, в окопах вода стоит... Вызвали нашего ротного в штаб и приказали разведать, есть ли немцы в деревне Раковка. Пошло нас в разведку человек двадцать пять – взвод. Пошли мы рано утром, идём осторожно, никаких немцев не видим, увидели, наконец, эту Раковку. Смотрим в бинокль – немцев не видно, но только стали подходить к деревне, как немцы засекли нас и ударили по нам из “ванюши” – была у них такая ракетная установка, но слабее нашей “катуши”. Мы залегли и стали окапываться. Не успели вырыть как следует окопы, как на нас немцы пошли – не менее роты автоматчиков. Стали отбиваться. Первый раз отбили атаку, второй раз отбили, третий... Взводный по цепочке передал: “Бережь патроны, отбиваться гранатами!” Следующую атаку отбили гранатами, а деваться-то нам некуда. Только в болото, в камыши. Вот и рванули мы по команде в камыши, но на наше счастье там было не очень топко. Бежим по болоту, а немцы по нам стреляют. Но камыши были высокие, так что они прицельного огня вести не могли. Выбрались на берег реки, отдышались. Слышим, немцы стреляют наугад, а в болото сунуться боются. Я тогда снял свою пилотку, стал утирать лицо от пота и вижу – мати моя! – в моей пилотке две дырки.

Решили днём не ходить, чтобы немцы снова не засекли, а дожждаться темноты. Вот стемнело, и мы двинулись сначала вдоль реки, а после свернули в лес и стали осторожно подниматься в гору. Вдруг увидели недалеко немецкий окопчик замаскированный – вроде как наблюдательный пункт. Стали к нему тихонько подбираться. Подползли и видим: немец лежит и храпит. Сам под ветками, а наружу только ноги торчат. Мы – раз его за ноги! – вытащили, а он пьяный в стельку, смотрит на нас, улыбается... Рядом до-

питая бутылка шнапса. Мы ему руки связали, его винтовку забрали и потащили с собой.

Утром пришли в расположение своей части. Сдали немца в штаб, поели и легли в землянках отдыхать. Но долго нам спать не пришлось. Ближе к полдню нас разбудил посыльный из штаба. Он сказал: “Ребята, вас отправляют опять на переформирование, а на этом направлении будет наступать на Киев танковая армия”.

От наших окопов и землянок метрах так в двухстах находился лес. Так буквально через час чуем – земля задрожала, загудели моторы – идёт по дороге танковая колонна, за ней другая, затем третья... И все в этот лес ставят свои танки. Весь лес заполнили.

А ночью загудели разом все танки, так что мы все в своих землянках проснулись, зажгли они фары и стали выезжать из леса – пошли на Киев. Брала танковая армия Рыбалко Киев ночью. Мы выскочили из окопов и смотрим. Только они переправились через реку Ирпень, как стала по нашим танкам бить немецкая батарея. Смотрим – один танк загорелся, подальше – другой. Но танкисты идут напролом, развернули башни, открыли ответный огонь, с ходу подавили эту немецкую батарею и дальше, к Киеву...

И тут нам стало обидно. Как же так? До Киева осталось рукой подать, а нас отправляют в тыл. Неужели мы так и не увидим освобождённого Киева? Пошли мы утром к командиру, стали просить его отложить наш отъезд хотя бы на один день. Тогда наш командир говорит нам: “Хорошо, ребята, мы тоже бились за Киев. Поедем на машинах, посмотрим Крещатик – и обратно!”

Вот мы и поехали на двух своих машинах по следам танковой армии. Всего набралось нас человек сорок пять. Перед Киевом вдруг подруливает к нам “виллис”. Выходит из него такой небольшого роста генерал, рядом с ним двое автоматчиков – личная охрана – и подзывает к себе нашего командира. Тот подошёл, докладывает по полной форме, что-то отвечает генералу. Потом генерал сел в свою машину и поехал в Киев впереди нас. Мы забралась в кузов и спрашиваем: “Кто это был?”. А наш командир отвечает: “Представитель Ставки – Никита Сергеевич Хрущёв”.

Приехали в центр Киева, ходили по Крещатику – сильно пострадал город, было много разрушенных домов, жителей было мало, в разных местах ещё дымились пожары. Те, кто знал Киев до войны, говорили, что ничего не осталось от его прежней красоты.

Про то, как танковая армия Рыбалко брала Киев, затем написали в газетах, а меня стали частенько спрашивать: “Рыбалко! Ты случайно не родственник тому генералу-танкисту? Я всегда отвечал: “Нет, просто однофамилец”.

Довелось Константину Акимовичу участвовать и в освобождении Белоруссии, и в боях за Минск. А закончил он свой военный путь в Польше.

С БОЯМИ ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО ЧЕХИИ

Михаил Александрович Петуховский родился в 1924 году в Нижегородской области, в крестьянской семье. Перед войной учился в институте и не думал стать военным. Но пришлось сменить мирную специальность на судьбу артиллериста.

Рассказывает Михаил Александрович ПЕТУХОВСКИЙ:

Меня призвали в армию в середине 1942 года из Казанского авиационного института и направили курсантом в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Оно было эвакуировано в г. Кострому на Волге. По окончании училища попал в 108-й артполк, на вооружении которого были 122-миллиметровые пушки, а затем, после переформировки, 100-мм. В должности командира взвода управления (разведки) и командира батареи этого полка участвовал в боях на Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 3-м Украинском фронтах. В составе этих фронтов мы участвовали в освобождении Ленинграда и Риги, брали Вену и другие города. За бои под Валгой в Латвии полку присвоили звание гвардейский и наименование Валгинский.

Фронтная жизнь имела свой особый быт и психологический облик. В ней чаще случались трагические, драматические события и смешные ситуации, чем в размеренной мирной жизни. Мы на фронте часто шутили, смеялись и подтрунивали друг над другом. Думается, что это было внутренней потребностью нашей психики в боевых условиях, когда постоянные стрессовые ситуации требуют периодического рассеивания накопившейся отрицательной энергии.

Ужасные разрушения, страдания и гибель людей – с этим человеческое сознание не может и не должно смириться. Физические и психические нагрузки особенно велики во время наступательных боёв.

В начале 1943 года мой полк в составе бригады был направлен под Ленинград. Ночью эшелон проскользнул через узкое, восьмикилометровое горло, недавно пробитое Ленинградским и Волховским фронтами в обороне немцев. Противник усиленно обстреливал этот участок. Один снаряд попал в вагон соседней батареи, и появились первые потери, а ведь мы ещё не доехали до фронта. Но эта опасная дорога помогла смягчить голод в осаждённом городе.

Мы попали на карельский участок Ленинградского фронта и стали против финнов. Передний край проходил по довоенной советско-финской границе. На ней сохранилось много старых укреплений: дотов и дзотов. Один из дотов, прозванный “Миллионером” за свою мощь и многоярусность, наши профукали, и финны во время наступательных боёв 1941 года захватили его, как говорили, без боя. Наша передняя траншея находилась в 25 метрах от него. Я ходил смотреть на устрашающего железобетонного монстра, лоб которого выступал из земли.

Наблюдательный пункт батареи был устроен на опушке леса. Он представлял собой деревянный короб, прикрепленный к верхним частям трёх сосен, и был хорошо замаскирован. Поднимались на него по лестнице. В стереотрубу слева виднелся город Сестрорецк и далее Финский залив; прямо за “Миллионером” – станция Олилла и репинские Пенаты. Последние были за лесом, и увидеть, что там происходит, не удавалось, но хотелось. По дымякам чувствовали, что там живут. Справа, на нейтральной полосе стоял полуразрушенный остов церкви в посёлке Александровка. Это был главный ориентир в районе и репер, от которого “плясали” все артиллеристы. Основной нашей задачей было определение целей в тылу финнов, главным образом артиллерии, и подавление их. Стрелять по ним в этой местности было трудно. Кругом леса и болота. Фугасные разрывы было трудно засечь. На этом погорел командир полка и один из комбатов. К ним приехал командующий артиллерией 23-й армии для проверки боевой готовности. Открыли огонь по пристрелянной цели фугасными снарядами, а разрывов не видно. В сердцах командующий обругал всех и уехал, а наши начальники получили взыскания и начёт за впустую израсходованные снаряды.

Оборона под Ленинградом была глубоко эшелонирована и солидно укреплена и с нашей, и с немецкой стороны в результате полугодового стояния и равновесия сил. Войска глубоко зарылись в землю, настроив глубокие траншеи, блиндажи с нарами, печками и перекрытиями в несколько накатов. В некоторые командные пункты и артиллерийские блиндажи умельцы “притащили” из города электрический свет. Лишь на “пяточке” – небольшом плацдарме, занятом нашими в районе Невки и почти окружённом немцами, – постоянно шли бои. На него добирались только ночью. О героизме защитников “пяточка” постоянно писали армейские газеты, и мы были в курсе дела, но побывать там не пришлось. И город не удалось толком рассмотреть, хотя он был рядом. Отпусков не было. Пушки нашей батареи стояли на Чёрной речке, где на дуэли был смертельно ранен А. С. Пушкин. Огневые позиции с южной стороны размещались на окраинах города, к ним вплотную подходил трамвай. По городу проехали лишь ранним утром, когда часть перевели на южный участок фронта, где начали готовить наступление. Но с ленинградцами, пережившими ужас блокады, мы познакомились. В полк прибыла ленинградская молодёжь, для которой настал срок службы в армии. Внешних признаков дистрофии у них не было. Психический же надрыв ещё оставался. Они быстро съедали, почти не жуя, свою порцию пищи и начинали смотреть в рот товарищей. На это было тяжело смотреть, но ленинградцы ничего не могли с собой поделывать. Уже позднее, во время зимнего наступления под Лугой, мне с двумя разведчиками, радистом и ординарцем – молодым ленинград-

цем, пришлось оторваться от батареи, обеспечивая связь с наступающей пехотой. На два или три дня получили сухой паёк. Я всё отдал ординарцу, чтобы тот готовил на двоих. В первый же день он всё съел, в том числе и брикеты каши, ничего не готовя на огне. Мы и не заметили, когда он успел. Было грустно, обидно и немного смешно. Со временем эта болезнь у людей проходила.

Готовя наступление, нашу часть перебросили под Пулково. Батареею поставили у мясокомбината, куда подходил городской трамвай. На высотах удивили нас очень глубокие, более двух метров, траншеи.

Немцы в Пушкине передний край устроили в подвалах окраинных домов, всё убрав и расчистив впереди себя. Подвалы укрепили, превратив в дзоты. Справа был Екатерининский парк и дворец в нём. Пристрелялись по домам и реперам внутри парка.

Началось наступление. После мощной и длительной артподготовки танкистам и пехоте удалось прорваться и захватить Пушкин. Мы с полком двигались в сторону Вырицы через Плюсский район. Это глухие лесные и болотистые места. Из разговора с местными жителями мы узнали, что в большинстве деревень немцев не видели. Они прошли по районному центру, по-волчьи обозначив своё присутствие.

Общее направление нашего наступления было на город Остров в Псковской области, что на реке Великой, чтобы, форсировав её, попасть в Латвию и Эстонию. Наступать зимой тяжело. Костра ночью не разведёшь, землянку не выроешь. Вот и грелись, кто как мог. Спасали полушубки и валенки. На марше грелись у выхлопных труб тракторов “Сталинец”, наших тягачей. От них, бывало, весь перемажешься копотью и станешь похожим на негра. Если же удавалось попасть в дом, дров не жалели. Помню, остановились в деревне Суворовка. Взвод управления занял большой дом. С двумя бойцами поехал вперед посмотреть места для наблюдательного пункта (НП). Возвращались затемно. Видим – в деревне пожар. Похоже, горит “наш” дом... Подъезжаем – и верно! Дом пылает, как свечка, а кругом раздетые, в одних гимнастёрках бойцы взвода прыгают. Когда всё сгорело, и бойцы кто во что оделись, выяснилось: чтобы быстрее и пожарче натопить русскую печь, кто-то шибко умный приволок пучок макаронного пороха от выстрелов и бросил его у печки. Разделись и стали подбрасывать пороховые макароны в плохо горящие дрова. Такой порох, имея канал, при возгорании начинает летать как ракета. Вылетевшие, стрекочущие огнём “свечки” подожгли связку, которая лежала у печки. Образовался такой “фейерверк”, что всё кругом мигом вспыхнуло. Бойцы едва успели выскочить через дверь и окна, оставив шинели и часть оружия. Сгорела радиостанция. Мне долго пришлось крутиться, чтобы сержант-радист не попал под трибунал.

Большие трудности нас ожидали весной. Разлились реки. В батарее две пушки из четырёх имели колёса старой конструкции. На их ободах была привулканизирована гладкая резиновая лента. При переезде через деревенские мосты, которые обычно представляли собой поперечные бревна, положенные на продольные балки, колёса этих пушек сгребали перед собой настил. Орудие провалилось на балки. Пушки тяжёлые, до полутора тонн, подъёмных средств никаких. Только русская смекалка трактористов-сибиряков да умельцев огневиков, обычно мужиков-крестьян в годах, позволила поднять пушки разными вагами, подпорками и перебраться на другую сторону. Зимой старались пройти по льду, летом – вброд, если он есть, а весной и осенью – беда... Со временем оснастились целым ворохом брёвен и досок на этот случай, привьючивали их на пушки и таскали с собой.

Дошли до реки Великой, там наступление застопорилось. Поиссаяли силы наступающих, да и распутица на глинистом грунте остановила нас. Немец, отступая, рвал шпалы специальным крюком за паровозом. Снабжение держалось на авто- и гужевом транспорте. Машины часто намертво вязли в глине. Снаряды подтаскивали из тылов за 20–30 километров на плечах. Бойцы шли гуськом по тропе, как китайские кули. Бывали случаи, когда, пытаясь перейти разбитую танками дорогу, оставляли в грязи сапоги. Сидели на сухарях. Бойцы-связисты умудрялись раскапывать ямы с зерном, молотье его в мельницах, сделанных из двух снарядных гильз с рваными отверстиями, пробитыми гвоздём, и варить кашу или жарить из муки лепёшки. Война всему научит!..

Под городом Остров я узнал смысл народной мудрости “сердце ушло в пятки от страха”. Выбирая новый наблюдательный пункт, я посчитал, что

в деревне слева, метров пятьсот от меня, наши, и пошёл через открытое поле один в лесок, что был там. Надеялся присмотреть место для НП. Шёл не спеша. Пройдя метров сто, услышал лёгкий свист и интуитивно упал в борозду. Тут же вокруг, совсем рядом, захлопали разрывы мелких мин. Били из деревни слева – там оказались немцы. В такие моменты время словно останавливается. Два коротких миномётных налёта мне показались очень длительными. Вжался в борозду и лежал, не ощущая своего тела, с мыслью: цел ли я?..

Переждав немного после второго налёта, вскочил и дал стрелкача обратно в окоп, не чувствуя под собой ног. Кажется, едва ли бы гончие догнали. Оказавшись в безопасности, в окопе, за стеной разрушенного дома, вспомнил о сердце в пятках и расхохотался. Разведчики удивились моему поведению. Когда я рассказал о своих пережитых ощущениях и народной мудрости, они также дружно рассмеялись. Надо сказать, что на фронте есть неписанный закон: если попал под налёт артиллерийский, минометный или авиации – падай на землю, где стоял, и вжимайся в неё. Избави Бог подняться в этот момент и перебежать в надёжное укрытие, хоть оно и совсем рядом. Лежи в грязи и не рыпайся. Не попадёт прямо – жив будешь. Осколки при взрыве разлетаются конусом, а на излёте сила их слаба. Я сам был свидетелем нескольких случаев, когда в таких ситуациях нервы у людей подводили, и это плохо кончалось. Погиб сосед-комбат. Сидели вдвоём в саду за столом. Слышим шорох летящих тяжёлых снарядов. Мы двое свалились под стол, а комбат метнулся в окопчик, метрах в 10–15 от стола. Уже прыгая в укрытие, он схватил осколок, который оказался последним в его жизни... Говорили, что генерал армии Черняховский, командующий фронтом, – на него уже был подписан приказ о производстве в маршалы – погиб под налётом, отказавшись при всех лечь на землю. Как же – будущий маршал!.. Но законы на войне для всех одинаковы.

У реки Великой в конце весны разместились мы в большой квадратной яме, оборудованной под блиндаж. Лёса на перекрытие не было, и закрыли её от дождя брезентом. Ниже на площадке стоял прицеп старшины, и под ним спали бойцы. Однажды ночью залетел, как мы говорили, шальной снаряд или крупнокалиберная мина и взорвалась в верхнем углу нашего блиндажа. Я спал на боку у стенки. Взрыва не слышал, но почувствовал что-то неладное. Вокруг никого, только в углу, согнувшись, лежал убитый дежурный связист, а с вечера ложились вплотную друг к другу. Выбрался из ямы – только рассветает. Кругом стоны и суета. Оказалось, что многие были ранены. Некоторые из них в транше пытались убежать от опасного места. Комбата, раненного в ноги, нашли метрах в пятидесяти вверх по склону. Нагрузили целую машину кое-как перевязанными ранеными, и старшина повёз их в тыл, в медсанбат. Это были самые крупные потери в батарее. Большинство раненых попали в госпитали.

С лёгкими ранениями левой руки и небольшой контузией, после перевязки в полку, добрался до ближайшего санбата. Сделали противостолбнячные уколы. В это время привезли тяжелораненого с разорванным боком. Боец подорвался на mine. Меня бросили и занялись им. Молодые медсестры, орудуя скальпелями и ножницами, решительно расчищали его рану, не обращая внимания на тяжёлые стоны. Как замороженный, я смотрел на всё это, пока вдруг не почувствовал головокружение. Выбрался из палатки и притулился на земле к брезентовой стенке. Через некоторое время вышла сестричка и сунула мне под нос ватку с нашатырём. Посмотрела на моё побледневшее лицо и, смеясь, сказала: “Эх, ты, вояка!”

После форсирования Великой войска вступили в Латвию и стали продвигаться к Риге. Наступали довольно быстро. Лето, местность равнинная, крупных водных преград нет, да и мы воевать научились. Ленинградский фронт был свёрнут, и полк оказался в составе вновь образованного 3-го Прибалтийского фронта. В начале осени уже стояли под Ригой. Знали, что оборона у немцев здесь солидная. Заняли огневые позиции километрах в 12-и от города, а я с рацией от полка был направлен в пехотную часть. Вечером, не мудрствуя лукаво, в лесочке уснули. Утром рано боец, стоявший в охране, будит и докладывает, что часть ушла вперёд, в город. Немцы отступили с этого рубежа без боя. Бросились догонять ушедших. Перебрались через оставленные противником рвы и окопы и скоро вошли в город. Жители стояли на улицах и смотрели на входящие войска. Запомнился дворник, уже убиравший улицу, как в мирные времена. Прошли через старый город и оказались на на-

бережной Западной Двины (Даугавы). Справа – разрушенный мост через реку. За ней, в новом городе, – тихо, кажется, что там никого нет. Разведчики, народ молодой и бравый, быстро достали лодки и поплыли на ту сторону. Мои молодцы тоже рвались туда. Подумав, самый молодой боец всё же решил забраться на чердак высокого дома на набережной и посмотреть, что там, за рекой. Лодки смельчаков, как только стали приближаться к противоположному берегу, были обстреляны из молчавших домов. Часть бойцов погибла, некоторые упали на дно лодок и их понесло вниз по течению, одна или две перевернулись. Пехотинцы быстро выкатили между домов свои пушки-сорокапятки и стали бить по домам на том берегу.

Немцы, бросив старую Ригу, ушли за реку и там закрепились. Связался со штабом полка, приказали возвращаться. Часть направляли на охрану рижского побережья от возможного нападения немецких кораблей. Там простояли с месяц. Немцев обошли с левого фланга, и они бросили город, спасаясь от окружения. Фронт свернули, а нашу бригаду направили на переформировку на Украину в город Сумы. Здесь получили новые 100-миллиметровые пушки, лёгкие тягачи на танковом ходу, американские “шевроле”, “доджи” и зимнее обмундирование. Поговаривали, что 9-я Гвардейская армия, куда мы вошли, будет брошена на Берлинское направление.

Неожиданно приказ: сдать зимнее обмундирование и срочно грузиться. Спешным порядком нас повезли на юго-запад, через Молдавию и Румынию. Под Будапештом, в районе озера Балатон, шли тяжёлые бои, немцы располагали здесь изрядными силами. Наши войска измотанные и сильно поредевшие в боях за Будапешт, могли лишь сдерживать противника, заняв оборону. 9-ю армию сюда и перебросили.

Прибыв под Будапешт, разгрузились. Проехав через сильно разрушенный город, заняли позиции под Балатоном. наших войск было мало: редкие узловые огневые точки. Армия быстро сосредоточилась, получила разведанные и через несколько дней, нацелившись на противника всей мощью, погнала его на Запад. Пленные немцы удивлялись: откуда у русских так неожиданно появились свежие войска? Наступление шло в сторону Австрии. Скоро мы были там. Очень красивая, небольшая и ухоженная страна. Много гор. Селения в основном в виде мелких городков и посёлков. С гор наблюдали за равниной, где расположены несколько крупных городов и Вена. Видели, как американские самолёты-“крепости” уютжили с воздуха Бинер-Нейштадт. Там был несколько дней сплошной дым. Проезжая с трудом через него позднее, убедился, что город полностью разрушен. Не очень ясно, во имя чего? Его защищать было невозможно.

Наступая, в Австрии нередко встречали барачные лагеря за колючей проволокой. В них жили рабочие, обычно военных заводов, принудительно угнанные немцами из завоёванных стран. Наибольшее количество было из СССР. После освобождения они обычно направлялись на родину. Иногда смелая молодёжь задерживалась на месте, чтобы выследить и свести счёты с некоторыми мастерами и начальниками, жестоко обращавшимися с ними. Я сам был свидетелем одной такой расправы.

После взятия Вены полк был направлен на охрану выходов из Альп, куда по ущельям и лощинам ушла значительная часть немецких войск. Наша батарея прикрывала одну из дорог на город Линц и стояла на окраине посёлка-города Леоберсдорф. Пушки вдоль дороги на выходе из селения на двух уровнях, а НП – на чердаке дома на окраине. Во дворе за домом стоял прицеп-кунг. В одном отделении – хозяйство старшины, во втором – неприкосновенный запас снарядов. Немцы были недалеко в горах и постреливали из гаубиц. Чувствовалось приближение конца войны, весна, настроение приподнятое, и мы не очень маскировались. Бойцы, главным образом молодёжь, повесив на себя какие-то яркие шмотки и цацки, походили порой на казацкую вольницу. Офицеры смотрели на это сквозь пальцы. Вольный дух победы обуял всех.

Однажды немецкий снаряд залетел во двор, разорвался около прицепа и поджог его. Мы, кто был на пункте, бросились тушить и разгружать прицеп. Я оказался в дверях той половины прицепа, где размещалась каптёрка, а старшина – в снарядном отделении. Вытаскивали всё, что попадалось под руки, и передавали бойцам, а те относили в сторону. Под ногами у меня крутился повар, чуваш лет пятидесяти. Он не брал, что я ему совал, а норовил

схватить что-то своё. Наконец, он просунулся под моими расставленными ногами, что-то ухватил и убежал.

Вытащив снаряды, разгрузив прицеп и потушив пожар, мы собрались в комнате первого этажа. Молча все закурили. Не говоря ни слова, глубоко затягивались дымом сигарет. Вдруг входит в комнату наш повар и обращаясь к старшине, своему единственному начальнику, которого он признавал, докладывает: “Товарищ старшина, а холодец-то я спас”. Все покатались от хохота.

Конец войны застал бригаду в Чехословакии, под Братиславой. Числа 5 или 6 мая получили приказ занять боевую позицию. Поехали выбирать НП, но немцев в указанном районе не нашли. Вернулись в часть и узнали, что они капитулировали.

Американцы в это время были где-то, вероятно, под Мюнхеном или на западной границе Чехии. Почти вся Чехословакия оказалась не занятой ни нашими, ни американскими войсками. Получили приказ как можно быстрее двигаться на Пльзень, где планировалась встреча с американцами. Они же, стремясь как можно больше прихватить территории Чехословакии, мчались на Восток. Мы же сломя голову бросились на Запад, не жалея техники. Дорога была забита войсками, и вклиниться в поток полком или даже батареей было невозможно. Влезали в разрывы между чужими подразделениями и двигались сплошной массой вперёд. На одном из перекрестков в образовавшейся пробке я рванул на “шевроле” со взводом управления налево, в объезд. Впереди оказалось несколько таких же нетерпеливых, и мы помчались на юго-запад. По дороге чехи и словаки не давали проезда. Останавливали, угощали, поили, дарили цветы, лезли на машины и растаскивали понемногу бойцов из группы по домам. Нам на трёх машинах удалось добраться до шоссе Прага—Пльзень. Оно было совершенно пустое, и мы быстро покатали к цели.

Скоро навстречу пронёсся джип с пулемётом на треноге в кузове. Это были американцы — разведпатруль. Проскочив метров на сто, они и мы остановились, уставившись друг на друга. Скоро американцы развернулись и умчались назад, не останавливаясь около нас. Мы, трое незнакомых офицеров, посоветались: как быть? Решили двигаться на Пльзень. В посёлках раза два к машине подходили молодые ребята и заводили разговор по-русски. На вопрос: “Откуда они?” — отвечали, что здесь партизанили. По пути несколько раз встречались американцы на “студебеккерах”, с пушками на прицепе. Мило улыбаясь, похлопывая друг друга по плечу, мы с ними выпивали по стопке коньяку. У них он водился. Наконец, в глубоких сумерках наша машина добралась до города. Мои коллеги где-то застряли в объятиях чехов. Никаких наших войск здесь не было. На окраине стояла американская зенитная батарея и местная ребятня крутилась у пушек. Решил проехать в город. Чувствовалось праздничное, приподнятое настроение. Люди гуляли по улицам. Ехали медленно. Народ с недоумением посматривал на нас: машина американская, а на бортах советские красные звёзды. Наконец, остановились. Подошёл к собравшимся и говорю, что мы русские, Советская Армия. Народ радостно загалдел: “Русские! Русские!” — и полез на машину обниматься. Ко мне подошёл мужчина лет под пятьдесят, сказал, что он коммунист, и пригласил на собрание в честь Победы. Поехали. По дороге он рассказал, что несколько часов назад американцы провезли на Запад пленного Власова, бывшего нашего генерала-предателя. В темноте подъехали к зданию и вошли в зал. Там стояли квадратом столы, и было много народа. Говорили речи и тосты. Нас усадили за стол. В зале увидел человек трёх наших советских офицеров, видимо, прорвавшихся, как и мы, в обход. Ко мне стали подходить чехи и просить отпустить к ним на ночлег хоть по одному бойцу. Посоветовались с помкомвзвода, старшим сержантом Мухтасиповым, татаринном, и решили, что надо быть вместе, организовав охрану. Нас поместили в гостинице. Я был под хорошим хмельком и просил Мухтасипова организовать охрану машины и нас. Он, бывший учитель, значительно старше меня, был трезв. Спасибо ему за это. Потом он рассказывал, что на пост всю ночь подходили американцы, чтобы выпить с русскими, и увели даже одного из бойцов на встречу к генералу.

Утром вскочил, как ошаренный, — где батарея? Сразу в машину и на окраину города. Там стояли три мои пушки из четырёх. Я готов был плясать от радости. На войне такие штучки плохо могли кончиться.

Основная масса войск, которая шла по главной дороге, где-то на полпути к Пльзенею встретилась на реке с американцами, и там была установлена демаркационная линия. Отдельные чудачки, вроде нас, исхитрились и проскочили в тыл к американцам, добрались до конечной цели, выполняя приказ.

В Пльзене власти устроили городской митинг, и мы с офицером-американцем выступали, поздравляя всех и друг друга с Победой. Вечером пришла штатная полковая машина с рацией. Доложил, в каком состоянии батарея и что нужно. На следующий день приехал заправщик с горючим, наполнили баки, распрощались с чехами и американцами. Мы вернулись в свою часть. Командир полка, пользуясь предложением, что в тылу у американцев остался наш сломанный тягач и пушка, с удовольствием ездил в гости к янки, пока не отремонтировали матчасть и не вернули на место.

Так закончилась для меня Великая Отечественная война. В начале 1946 года демобилизовался и вернулся в институт доучиваться.

В заключение хочу поделиться беглыми впечатлениями об американцах. В течение трёх дней в Пльзене и при блуждании по тылам американцев несколько раз пришлось встречаться с ними. Что бросилось в глаза?

Во-первых, обилие техники, особенно автомашин разных классов, напоминало по внешнему виду известное пирожное “полено”, нарезанное ломтиками. Они блестяли и, похоже, были никелированы или хромированы. Но против наших Т-34 и немецких “тигров” были слабыми, о чём говорит их страшный разгром немцами под Арденнами.

Во-вторых – молодость и крупная стать солдат, особенно негров – гвардейские размеры. Кажется, шоферами сплошь были они. Все в касках, хотя бои кончились. Мы никогда ими не пользовались, у нас каски были для пехоты. У американцев все наземные войска и тыловые подразделения – в касках. По-видимому, для них это был символ войны или врождённая осторожность, опасение за свою жизнь. На многих машинах висели на капотах боксерские и бейсбольные перчатки, в руках у многих мячи, которые они всё время мяли. Война войной, а отдых и удовольствия они не забывали. После наряда свободно разбредались по барам.

Замучили они нас, пытаясь заполучить наши ордена, медали, гвардейские значки, звёздочки с пилоток и даже пуговицы от гимнастёрок в обмен на что угодно: коньяк, деньги, значки и разные мелочи. Я не заметил, чтобы наши бойцы расставались с наградами, а вот звёздочек и пуговиц недосчитались изрядно. Сложилось впечатление, что для американцев этот поход в Европу – интересное туристическое путешествие, в память о котором надо побольше набрать сувениров. Что ж, у каждого народа свои нравы и представления о войне. Думается, и сейчас у них сохранился этот нравственный подтекст, когда они с полной безопасностью для себя бомбят и обстреливают крылатыми ракетами чужие города и страны с одной тайной мотивацией – стать хозяевами мира.

*На этом заканчиваются записки Михаила Александровича Петуховского, ныне москвича, кандидата технических наук, учёного, который, тем не менее, подписал их: **“Командир артиллерийской батареи гвардии лейтенант Петуховский М. А.”** Не стареют душой наши ветераны! Вечная им Слава и Благодарность!*